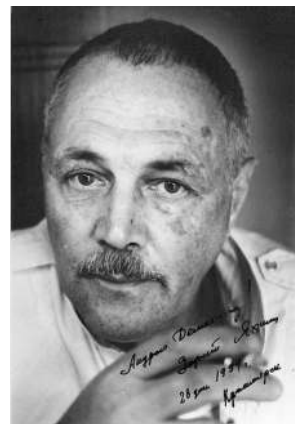

«Знаешь, а в ваш дом заселился Зорий Яхнин». Моя бывшая преподавательница в институте, а теперь мой добрый друг — одна из старейших жителей Академгородка и всегда в курсе последних академовских «светских» событий. Новость вызывает лёгкое недоумение. Малосемейный дом, где я только что получил крошечную «однушку», трудно отнести к престижному жилью. Восемь квартир на этаже: четыре — направо от лифта, четыре — налево. Три «однушки», одна «полуторка». Четыре двери в общем тамбуре, моя — предпоследняя. Естественные для известных в городе и крае писателей места обитания представлялись мне как-то иначе...

Возвращаюсь из хозяйственного магазина в соседнем доме. Приобрёл свою первую мебель — раскладную табуретку. Шесть рублей пятьдесят копеек. В тамбуре интеллигентный мужчина приятной наружности устанавливает в простенке рядом с моей дверью ящик, очень похожий на снарядный. Я ж как-никак по военной специальности, приобретённой в институте, — артиллерист. Мужчина вежливо интересуется: «Вам не помешает, если я тут ящик под картошку поставлю?» Приятный голос, правильная речь. «Нет, конечно. Ну что вы, что вы», — отвечаю я, непроизвольно переходя на не свойственный моему покровскому воспитанию уровень вежливости, и скрываюсь в квартире. Устанавливаю табуретку посреди пустой комнаты и усаживаюсь на неё, довольный своей хозяйственностью. И только тут мозг мне тихо шепчет: а ведь это же Зорий Яхнин!

Чтобы убедиться окончательно, иду в угол комнаты, где за дверью возвышается колонна из как минимум двухсот стихотворных сборников поэтов со всей страны, изданных в последние годы. Мы, молодые поэты, конечно, уверены в своей непризнанной гениальности, недоступной заматеревшим мастерам слова, но убедиться в этом, листая их сборники, полезно. Разок-другой... Двухсотый... Ага, где тут у меня наши красноярские мэтры? Так... Это Анатолий Третьяков. Неплох, неплохо... Иногда парой строк вдруг зацепит такие глубины отражённого сознания, что мурашки по коже. Тоненькая книжка Кузнечихина Сергея. Этот — практически наш, молодой. Русский язык чеховского уровня. Далеко пойдёт... А этот

«Андрею Деменюку
Зорий Яхнин.
28 декабря 1991 г.
Красноярск»

синенький сборник — мой любимый «Световод» Вячеслава Назарова. Потрёпанный — таскал его в рюкзаке на полевые работы каждый сезон. А здесь вот — Роман Солнцев. Память тут же выдает назаровское: «Что же делать нам, Рома? Как осилить такое? Может, двинем из дома отдыхать от покоя?» Ага, вот и сосед. Зорий Яхнин, «Требуется скрипач». Новый совсем сборник. Нахожу портрет автора. Да, точно он. Зорий Яхнин.

Осень 1988-го. Сижу на лоджии. Курю и горжусь собой. Послал стихи в «Красноярский комсомолец». По почте — что называется, «самотёком». «Из «самотёка» никогда не напечатают, говорили мне знающие люди... Из «знающих» мне тогда были доступны только люди типа «учившиеся в школе с братом племянника третьей жены корреспондента многотиражки совхоза „Северный олень“». А вот и напечатали! Целых три стихотворения! Из «самотёка!» Обезжал все киоски, скупил экземпляры, сообщил всем знакомым. Кто вкусил восторг первой — настоящей — публикации, знает, что это девятно процентов от всего отпущенного писателю на все публикации ощущения счастья. Кто я до этого? Лучший поэт в институтской группе? Одна юмореска и пара стихов в институтской многотиражке? Ну а теперь-то — настоящий поэт! Вот тут вот вверху, на второй странице, — фамилия моя. И стихи. Тоже мои. Смешно, конечно, но ощущалось это как-то типа: «Царь... приятно познакомиться, царь...»

Курю и горжусь собой, и тут на свою половину лоджии врывается Зорий Яхнин. Сразу видно:

переполнен положительными эмоциями, как букет полевых цветов. Лицо одухотворённое, глаза горят. Давно его не видно и не слышно было. Оказывается, он только что вернулся после многомесячного отсутствия: Москва, Крым, Переделкино, не помню что ещё... И видно, что ему просто необходимо поделиться накопленными чувствами хоть с кем-нибудь, а то взорвётся. И тут я подвернулся. Начинает рассказывать всё подряд. Отличный рассказчик. Завораживает. Спустя полчаса приглашает к себе—на лоджии прохладно. Иду в комнату. Мозг лихорадочно: «Штаны попрличней надень. И свитер свой драный сними. Так—и отчество, отчество его глянь...» Конечно, кто же знает отчества поэтов? На обложке всегда только имя. Быстро переодеваюсь и роюсь в гряде сборников стихов в углу комнаты за дверью. Ага—вот его сборник. Яковлевич... Зорий Яковлевич Яхнин.

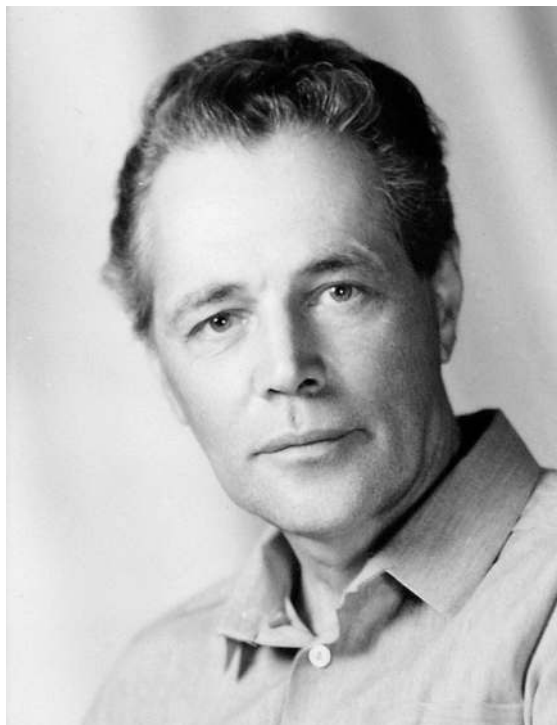
Мысленно повторяя его отчество, чтобы невзначай не попутать, впервые в жизни иду в дом настоящего известного поэта.

.....

За всю свою прошлую жизнь видел-то вживую только одного. Владлен Белкин как-то в школу нашу приезжал стихи читать. Мужественный человек. Школа в Покровке. Её из любой точки в городе видно: оранжевое здание на склоне Караульной горы, правее часовни Параскевы Пятницы. И тогда это было, пожалуй, её единственное достоинство. В те времена Покровка, официально именуемая красиво—слобода Весны,—место, так сказать, не лучшее в смысле приобщения к общечеловеческим ценностям. Нет, учителя, конечно, отличные. Подвижники все. А директор—так вообще легендарная Надежда Ивановна, высокая суровая дама из детей испанских республиканцев, способная железной рукой поддерживать порядок в школе, набитой отпрысками разношёрстных полупролетарских элементов, выражаясь по-марксистски. Её рабочий стол забит самодельными ножичками, кастетами и свинчатками, отобранными у учеников. Да, юных любителей стихов там не много было.

.....

Ну, мебель—как-то не особо... Секретер, кровать, шкаф, два кресла, нечто типа софы. Все потрепанные ветераны конца шестидесятых и древнее. Полки с книгами. Радиоприёмник у кровати. Ага, вот это уже ближе к ожидаемому—журнальный столик, на нём красная югославская портативная печатная машинка. У меня такая же, только белая. Авторучка («Паркер», вероятно), которой он однажды, в самом начале своих художественных опытов, безжалостно чиркая ею по акварельной бумаге, рисовал вышеупомянутую печатную машинку. Даже у меня сердце тогда кровью облилось за золотое то перо, а ему было хоть бы хны.

Он вещи ценил только в силу их полезных для его творчества свойств.

А вот стены—да, всё как ожидаемо в жилище настоящего поэта: картины, картины, картины...

.....

Когда ему стукнуло уже шестьдесят, он вдруг увлёкся акварельной живописью, и на стенах появилось множество его собственных работ. Его друг-художник удивлялся: «Как же так?.. Мы вот учились столько лет, а ты раз—и прекрасные акварели пишешь...» А Зорий Яковлевич смеялся и говорил: «Я так долго общался с отличными художниками, что, видимо, волей-неволей у них и научился»

.....

Портрет хозяина дома. Узнаю сразу, хотя стилистику изображения трудно назвать реалистичной. Ну конечно: автор—Андрей Поздеев. Ого!

.....

В середине девяностых: «Знаешь, старина, встретил вчера в центре Андрея Поздеева, говорю: „Привет, Андрюша, хорошо выглядишь!“ А он улыбается, язык высунул, а на нём две таблетки нитроглицерина...»

.....

Лицо на портрете зеленоватое, глаза жёлтые, на столе—бутылка вина. Поза и руки хозяина дома переданы таким удивительным образом, что возникает ощущение движения. Вот сейчас поднимет

бутылку и наполнит свой бокал. «Это я как-то зашёл к Андрею со страшного похмелья, а он говорит: „Садись, я портрет твой напишу“. А я говорю: „Хорошо, но только если вина нальёшь“». Да, с изображением на картине история сочетается с абсолютной точностью. Ну Поздеев! Гений.

.....

И о вине, кстати сказать... Пикантные слухи о таком пристрастии поэта оказались обычным «окололитературным» мифом. Да, раз в год или даже пореже ему было необходимо на три-четыре дня побыть одному, выключить телефон и «разбить мозговые спайки», как он это называл. После такой «разбивки» он несколько дней ходил по квартире с извиняющейся улыбкой и немного виноватым видом и щёлкал выключателями: «А знаешь, старина, я заметил, что когда я в таком загуле, в квартире все лампочки перегорают...»

Однажды, в 1991 году, когда он после одного такого случая курил на нашей общей лоджии и печально пил морковный сок, я, чтобы поднять ему настроение, как уж смог, набросал шуточный акварельный скетч и стишок с намёком на его только что вышедшую новую книгу «Река мгновений»:

Свекольный сок
Да сок морковный!
Коньяк — долой! Долой — вино!
Пора поэту путь греховный
На праведный сменить давно.
Вина река, река мгновений
Посеребрили Ваш висок.
И уж не тот Кастальский ток:
Теперь источник вдохновений —
Морковный сок,
Свекольный сок.

.....

Ещё картины — линогравюры. Узнаю сразу — Мешков. Северная природа, озёра, олени. «Мы вместе были на севере края: я собирал экспонаты по этнографии северных народов для краеведческого музея, а он рисовал. После, уже в Красноярске, к нему были придирки по поводу художественной

достоверности его картин, и он меня попросил: „Зоря, ну подтверди ты им, что вода в озёрах там даже в солнечный день и в самом деле чёрная...“. А я тогда вёз костюм шамана для музея и на обратном пути плясал в нём на палубе парохода». В памяти всплыло изображение этого костюма, виденное не раз в экспозиции музея. Несмотря на очевидную несочетаемость шаманского одеяния с обликом этого элегантного, красивого человека с естественными манерами прирождённого денди, такая картина не показалась мне гротескной. Что-то такое появлялось в его взгляде, когда он вспоминал истории из былого, что подсказывало: он не копается в недрах памяти, как все, а, пожалуй, реально перемещается по прошлому, как по комнате.

Ещё одна картина Поздеева — на стене в кухне. Натюрморт. Рыбы, разложенные на экземпляре газеты «Красноярский рабочий».

.....

Странно, что до сих пор не встречал репродукции обеих этих картин ни в одном из изданных альбомов работ Андрея Геннадьевича Поздеева.

.....

Маленькая уютная кухня. Стол у стены, табуретки. Тоже ветераны кухонных посиделок семидесятых. Троицм расположиться — тесно.

.....

Помню, позже, уже в начале девяностых, случайно зашёл к нему, когда у него был в гостях последний советский руководитель края. Бывший руководитель, глядя на «хоромы» и «мебель» хозяина дома, сетовал, что зря, мол, они считали именно его самым идеологически ненадёжным из литературной братии и соответственно относились — в смысле распределения благ. Судьба любых властей — сначала самообман, потом сожаления. Тут сразу нужно добавить: не был, конечно, Зорий Яковлевич «непоколебимым коммунистом сталинской кладки». Ему идеология была безразлична, он о жизни не по лозунгам судил. Человеком он был. Нормальным. Свободным. Честным. И всегда и со всеми оставался самим собой. Зорием Яхниним.

Из его историй. «Однажды, в пятидесятые годы, в Москве, мне, тогда ещё совсем молодому и зелёному, довелось побывать в гостях у гражданской жены адмирала Колчака. Сидели чинно, пили чай. Гости хозяйки дома — все седовласые, благородного вида стариканы с гвардейской выправкой. Ясно, что сплошь офицеры ещё царской армии. Разговор за столом едва тлел — о погоде и прочих пустяках. И тут хозяйка говорит: „А давайте попросим молодого поэта почитать стихи“. Ну, думаю, сейчас я вас расшевелю. Встаю и задорно читаю свои стихи о Ленине. Закончил и стою, жду, когда меня эти

бравые гвардейцы за дверь выкинут. А они все заулыбались, поаплодировали, и—дальше разговор за столом потёк свободно и непринуждённо, в беззастенчиво антисоветском духе. Я недоумевал. И лишь потом сообразил: после моих стихов о Ленине они поняли главное для них—что я точно не засланный стукачок». Вспомнились почему-то тогда его строчки:

И справка мне была дана
С печатью— всё как нужно,—
Что, мол, у Зори Яхнина
Вшей не обнаружено.

Продолжая рассказывать мне о своих путешествиях, хозяин дома привычно, между делом, сервирует стол, да так, что он приобретает вид законченной художественной композиции: ножи, вилки, тарелки, салфетки—все занимают свои места, образуя изящный натюрморт. Ага, видимо, он привык любую свою деятельность обращать в творческий акт. Он и закуску, самую простую: отварная картошка, солёные огурчики, помидоры,—выложил на тарелках так, словно картину написал. Появляется ощущение, что с моей стороны было бы логичным надеть для визита смокинг, а не футболку. Кстати, сам хозяин одет в модные вельветовые штаны и пиджак. Модные—для конца семидесятых. При всём при этом смотрится он как английский лорд в Париже. Небрежно-элегантно. Вспоминается хрестоматийное: не одежда красит человека, а человек—одежду. Вот уж это точно про него...

И ещё запомнилось впечатление самое первое о нём как о человеке: где-то через полчаса нашего разговора я поймал себя на ощущении, что я начал воспринимать его как ровесника. Нет, он не старался казаться молодым, он им был. Он был лёгким, открытым, искренним, всем интересующимся и интересным. Никакой маски, никакой позы. Ничего ожидаемого от мэтра. С ним не нужно было думать, что и как сказать, чтобы понравиться. Он и сам говорил прямо то, что реально чувствует. Он спросил у меня тогда, кто из красноярских поэтов мне нравится больше. А я, уже совершенно не чувствуя никакой неловкости и необходимости лстить ему, сказал, что Вячеслав Назаров, по моему мнению, лучший. Он умел радоваться чужим удачным стихам как своим. И радоваться за других тоже. Просто потому, что чем больше у каждого человека радостей в жизни, тем радостнее жизнь в целом. Любая встреча с ним вызывала ощущение праздника, даже если мы просто пололи траву в его огороде или ели его знатный борщ с листьями свёклы и крапивы.

Да, рассказчик он отличный. И вот что интересно: все персонажи, появляющиеся в ходе его повествования, оказываются какими-то необычными и замечательными людьми. Будь то таксист, уборщица в доме отдыха, геолог, священник, оленевод, бывший зек... Образы живые, объёмные, запоминающиеся.

Вообще, если Зорий Яковлевич о ком-то историю рассказывал, то это всегда была забавная история, в которой главный герой проявлялся с какой-нибудь его удивительной стороны. За те двенадцать лет, что я был с ним знаком, я ни разу не слышал от него ни единого негативного отзыва о каком-нибудь из его знакомых. Даже узнав про личные выпады в свой адрес, он обычно вспоминал что-нибудь из общего с автором нападок прошлого, что-то забавное или приятно удивившее его в этом человеке. А печатных и телевизионных наездов на него хватало в девяностые годы, когда самые заласканные прежней властью культурные деятели активно перестраивались под власть новую.

Однажды, помню, опечалило его заметно газетное интервью одного маститого нашего писателя, в котором тот, в частности, обвинил поэта Яхнина в многолетнем пагубном пристрастии к вину и женщинам. Против данной части интервью Зорий Яковлевич, понятно, возражений не имел, так как для настоящего поэта подобная характеристика, пожалуй, является вполне комплиментарной, учитывая вековые традиции русской поэтической школы. Что его расстроило, так это внезапное и непонятно почему появившееся в рассуждениях серьёзного прозаика причисление поэта Зория Яхнина к фашистам. Накал политической полемики в начале девяностых частично зашкаливал, но всё-таки услышать такое от бывшего доброго знакомого и собрата по перу было неожиданно. Вспомнилось ему тогда детство его военное—эвакуация, голод, отец на фронте... И взгрустнулось, видимо, не по-детски...

Но Зорий Яковлевич не был бы собой, если и данную ситуацию он не превратил бы в забавную и гротескную историю. Причём сделал он это экспромтом, через несколько дней после публикации ругательного интервью. Был осенний день, утро субботы, как я помню, поскольку на работу я не пошёл, а, встав рано утром, вышел покурить на лоджию. И тут на лоджию выходит Зорий Яковлевич в своей «полевой» форме. Он уже успел сбежать на «дачу» и вернуться с собранным урожаем. При этом он, очевидно, пребывал в весёлом настроении и смеялся как озорной школьник, которому удалась весёлая проделка. История случилась такая.

Отправился он с утра пораньше на антенное поле, где на самом берегу Енисея и располагался его огородик... Хмурое осеннее утро. Светлело...

Идёт он по тропинке через берёзовую рощу, что на западной окраине Академгородка, за двенадцатиэтажкой. Место обычно малолюдное. Вокруг никого. И тишина... И тут он замечает силуэт человека, идущего навстречу. Они сближаются, и Зорий Яковлевич узнаёт того самого маститого писателя, печатно заклеившего его фашистом. Вскоре и его визави понимает, что за тип движется ему навстречу в осеннем сумраке по пустынному лесу... И уже никак не разойтись — встреча неизбежна. Развязка близится, напряжение нарастает. И вот, когда их разделяет лишь пара метров, Зорий Яковлевич делает шаг в сторону, учтиво уступая дорогу оппоненту, и в момент наибольшего сближения он, небрежно вскидывая правую руку вверх в характерном жесте, проникновенно приветствует обидчика: «Хайль!..» Занавес...

Был он человеком неконфликтным и очень располагающим к общению, но несгибаемый внутренний моральный стержень прекрасно чувствовался в этом мягком и мудром человеке. К себе он относился без пафоса и часто шуткой над самим собой намеренно понижал, так сказать, градус помпезности какого-нибудь важного события в своей литературной жизни. После официального мероприятия, устроенного Союзом писателей по поводу его шестидесятилетнего юбилея, — с афишами, цветами, поздравлениями и полным залом друзей и почитателей таланта — он, смеясь, рассказывал: «Представляешь, старина, стою я там, на сцене, в новеньком костюме, стихи читаю, а в первом ряду сидят все три моих бывших жены, и хоть бы одна намекнула, что у меня на штанах молния-то не застёгнута...»

Люди быстро проникались к нему симпатией и прикипали душой и сердцем. Жить рядом с ним было необычайно интересно. У него в доме часто можно было встретить начинающих поэтов. Журналисты из «Вечернего Красноярска» — вдохновенный Владимир Пчёлкин, весёлый и язвительный Виктор Барков, серьёзный и основательный

Сергей Щеглов... Добрейшей души североенисеец Юрий Астафьев... Норильчанин, охотник-промысловик, журналист и поэт, энергичный Сергей Лузан. Приходили и старые друзья Зория Яковлевича. Поэт Анатолий Третьяков... Мне — со свойственной Анатолию Ивановичу в любом состоянии поэтической пронизательностью: «Ты — поэт на пятьдесят процентов, а Юра Астафьев — на сто!» Эвенкийский поэт Алитет Николаевич Немтушкин... Провожая его на остановку — он, вводя меня в когнитивный ступор: «И чего это Зорий мне про тебя сказал — молодой Пастернак?.. Ты — нормальный поэт!» Поэт Николай Ерёмин... Он — Зорию Яковлевичу, вызывая во мне чувство моей литературной неполноценности: «Я, пока до тебя шёл по сосновому лесу от Студгородка, составил план замечательного стихотворения...»

Бывали, конечно, и многие другие. Художники, писатели, журналисты, академики, политики, историки, литературоведы... У него в доме я даже с ирландским католическим епископом, милейшим отцом Робертом Бредшоу, однажды встретился. Но это после.

А в тот первый день нашего знакомства я, конечно же, рассказал ему о своей первой публикации, и он тут же, отвечая на чей-то телефонный звонок, с неподдельной радостью сообщил неизвестному мне собеседнику: «Представляешь, у меня сосед — поэт!» А настоящий поэт там был тогда только один — Зорий Яхнин.

Почти четверть века и тысячи километров отделяют меня от того времени и места. Но когда я писал эти заметки, писал просто из непреодолимого желания выразить ему моё уважение и восхищение, я снова испытал такое знакомое ощущение праздника от прикосновения к этому незабываемому явлению, каким был и остаётся для меня и наверняка для многих ещё людей Зорий Яковлевич Яхнин. Поэт Зорий Яхнин.